

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ социологии

И.А. Голосенко

МАКСИМ КОВАЛЕВСКИЙ КАК ИСТОРИК СОЦИОЛОГИИ

До начала XX в. интерес М.М. Ковалевского к истории социологии не носил характера самостоятельной научной проблемы, которая сама по себе требует общего концептуального осмысления. Вот почему в библиографических указателях сочинений М.М. Ковалевского с 1875 по 1900 г. обнаруживаются только фрагментарные исследования отдельных социальных мыслителей прошлого — А. Токвиля, М. Кондорсе, Ш. Монтескье, П. Прудона и других. Он продолжал этот вид исторической работы (по персоналиям) и в дальнейшем, написав эссе о ряде социологов — Г. Спенсере, Г. Тарде, Н. Михайловском. Но преподавание социологии и ее истории в Русской высшей школе общественных наук в Париже и в Новом университете в Брюсселе заставило его обратиться к более панорамному подходу — общей истории социологии, которую он попытался строить в духе требований генетической социологии, столь успешно применяемой им в анализе многих общественных явлений. С 1905 по 1914 г. он выпускает ряд трудов общего типа, обобщив в них свои лекционные материалы, наблюдения за развитием социологии на рубеже двух веков, включая осмысление текущей научной литературы, отечественной и иностранной, и обдумывание результатов нескольких мировых конгрессов социологии, участником которых он был. Мимоходом укажу, что в 1907 г. М.М. Ковалевский был избран президентом Международного института социологии. Личное общение с западными социологами часто служило толчком для обсуждения некоторых деталей их творчества и давало дополнительные материалы, которые было бы невозможно извлечь из их трактатов. С некоторыми из них он встречался довольно часто, можно

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (С.-Петербург).

Адрес: 198052, С.-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Тел.: (812) 316-32-70. Факс: (812) 316-29-29.

E-mail: inso@ego.spb.su

даже сказать, регулярно, например, с Р. Вормсом или Г. Тардом, с другими реже — К. Марксом, Д. Миллем, Л. Уордом, Ф. Гиддингсом, а с Г. Спенсером он выделялся всего один раз, но их беседа продлилась несколько часов. От подобных бесед и встреч он получал уникальный материал для себя как для историка социологии. Чего стоит его пересказ случая, услышанного им от Г. Спенсера.

Когда вышло французское издание первого тома «Капитала», то его автор с лестной дарственной надписью послал том Ч. Дарвину и Г. Спенсеру, ожидая ответа. Дарвин поблагодарил, но Спенсер молчал. К. Маркс через общих знакомых уточнил, получил ли знаменитый позитивист его подарок. Выяснилось, что получил, но читать такой толстый том по политэкономии, да еще на иностранном языке отказался. Вероятно, это не способствовало появлению симпатий к позитивизму у К. Маркса, в чем неоднократно убеждался уже сам Ковалевский при личных беседах с основоположником материалистического понимания истории.

Из больших сводных работ М.М. Ковалевского по истории социологии заслуживают упоминания несколько. Самой главной, конечно, является книга «Современные социологи» (1905 г.), посвященная аналитическому обзору теорий Ф. Гиддингса, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и других социологов. В конце 20-х гг. П. Сорокин справедливо писал о ней: «Она до сих пор остается наиболее основательным критическим анализом ведущих социологических теорий в мировой научной литературе» [1, с. 37]. Затем следует отметить первый том его исследования «Социология» (1910 г.), где история и междисциплинарные связи социологических систем представляли собою обширное введение во второй том, в котором излагалась его генетическая социология. М.М. Ковалевский предполагал издание третьего и четвертого томов, но не успел. И, наконец, последним является обширный обзор «Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX веков» (1914 г.), в содержание которого им была включена фактически без изменений более ранняя историческая работа «Очерк истории развития социологических учений» (1906 г.) При знакомстве с этими работами прежде всего обращаешь внимание на то обстоятельство, что главными деятелями социологической науки в них предстают зарубежные персоналии — О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Л. Уорд, Ф. Гиддингс, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Л. Гумплович и другие. Н. Кареев вспоминал о впечатлении, которое произвела на него работа «Современные социологи»: «Меня лично только удивило, что он совершенно игнорирует русскую социологическую литературу, как будто у нас не было ни Лаврова, ни Михайловского, ни Южакова, ни Муромцева и т.д., принимавших участие в разработке тех же вопросов, которым посвящены книги и статьи, рассмотренные Ковалевским в его книге» [2, с. 278]. Некоторые современные комментаторы довольно поверхностно объясняют это тем, что М.М. Ковалевский большую часть своей жизни провел за границей и посему ориентировался в своих научных пристрастиях в основном на представителей западной общественной мысли [3, с. 93]. Но тогда возникает вопрос, каково было его отношение к русским социологам? Вот его откровенное признание: с именами таких социологов, как А. Стро-

нин, П. Лавров, П. Лилиенфельд, Н. Михайловский, С. Южаков, Н. Кареев и Е. де Роберти неразрывно связано представление о «пионерах в этой области человеческого знания в России» [4, с. 7—8]. М.М. Ковалевский лично знал внушительное количество отечественных социологов, со многими был дружен десятилетиями. Он оказывал денежную помощь в издании сочинений П. Лаврова, к которому питал, по собственным словам, почтительное сыновье чувство, долгие годы плодотворно сотрудничал с Е. де Роберти на ниве преподавания социологии, мудро опекал своих молодых помощников — К. Тахтарева и П. Сорокина, к сочинениям которых писал заслуженно хвалебные предисловия. Он откликнулся некрологами на смерть тех русских ученых, с которыми его свела жизнь — Д. Дриля, С. Муромцева, Е. де Роберти и других.

Почему же предпочтение в его историко-социологических сочинениях было отдано западным социологам? Сделано это было совершенно сознательно и мотивировано так: поскольку он пишет на русском языке и для русского читателя, то хотелось бы, чтобы тот познакомился в первую очередь с современными зарубежными социологическими системами, доступ к которым был в известной мере ограничен для массового интеллигентного читателя. Он извлек этот урок из своих контактов со слушателями Русской высшей школы общественных наук в Париже за 1900—1905 гг. «Мои сочинения по истории социологии, — объяснял М.М. Ковалевский, — ставят себе задачей ознакомление широких кругов читателей с основными целями социологической науки, содержанием ее главных теоретических направлений. При этом история социологии должна служить "вступлением к изучению современных социологических систем"» [4, с. 7). Именно так понимали задачи истории социологии все представители «русской традиции» написания истории социологических теорий, к которой наряду с Ковалевским принадлежали основавший ее Н. Кареев, его последователи — К. Тахтарев, В. Хвостов, а позднее — Н. Тимашев и П. Сорокин. В свете сказанного следует более подробно рассмотреть, какие ответы давал Ковалевский на вопросы, составляющие теоретический каркас «русской традиции»: когда возникла социологическая наука, какие идейные течения в ней существуют, их взаимоотношения, успехи и просчеты на сегодня и возможное состояние на будущее.

1. Происхождение социологии

К античной и средневековой социально-философской мысли М.М. Ковалевский, будучи стойким позитивистом, относился критически, считая их вклад в установление фундамента социологической науки малозначительным и в основном негативным. Мыслители этих эпох и их поклонники показали только как не надо делать науку. Первым, по Ковалевскому, кто еще в XVIII в. заговорил о необходимости новой социальной науки, был Дж. Вико, но реальное основание ее заложил именно О. Конт [5, с. 192]. Отцу научной социологии М.М. Ковалевский посвятил интересно написанный развернутый очерк в первом томе «Социологии».

Но как опытный историк Ковалевский, конечно, заинтересовался интеллектуальной работой предшественников О. Конта в XVII и XVIII вв. [4, с. 139—150]. Он справедливо считал, что сильным побудительным мотивом деятельности О. Конта послужило предположение М. Кондорсе и К. Сен-Симона о закономерности и корреляции экономического развития и общего роста знаний, далее разработки так называемой английской «политической арифметики», когда У. Петти обоснованно заметил наличие закономерности в демографических процессах рождаемости, смерти и т.п. Кстати, И. Кант считал, что этими разработками закладывается реальная возможность существования социальной науки.

Молодой О. Конт объединил идеи предшественников, придал им системный и взаимосвязанный характер и этим обогатил свой «субъективный синтез» новым содержанием, которое не обнаруживалось у каждого из них отдельно взятого [6, с. 10]. Ковалевский делает решительный вывод: «последующая после Конта социология выростала из его синтеза. Обозревая современные социологические школы, не раз приходится указывать на то, что поднимаемые ныне вопросы и предлагаемые ныне решения в зародыше или уже в более или менее развитом виде могут быть найдены еще у Конта» [4, с. 204].

Этими словами была определена магистральная линия его историко-социологических изысканий, а именно — обнаружение, повторение и развитие идей О. Конта в последующей социологии и выяснение, что принципиально нового внесено в эту позитивистскую модель в процессе ее генезиса.

2. «Факторная классификация» школ

Как хорошо известно, социология второй половины XIX в. была расколота на ряд направлений, ищущих свой «волшебный фактор», определяющий строение и эволюцию общественной жизни. За каждым фактором закреплялся свой любимый теоретический союзник социологии и свое толкование междисциплинарных отношений. Так, у экономического фактора таковым была политическая экономия, «психологический фактор» настаивал на союзе с индивидуальной и коллективной психологией, «организмический» — на биологии и физиологии и т.п. Между школами шла борьба, которая оборачивалась тотальным критическим неприятием друг друга, но иногда намечались эклектичные альянсы и компромиссы. Факторную классификацию школ в теории социологии у нас впервые предложил Н. Кареев еще в 1897 г, в своей нашедшей и неоднократно переиздаваемой книге «Введение в изучение социологии». И хотя он существенно дополнял новые издания, во всех них придерживался этой классификации. За ним последовал и М.М. Ковалевский, но с некоторыми существенными дополнениями. Во-первых, он давал не просто перечень школ и факторов, в духе преискуранта товаров в лавке, а попытался их систематизировать и объединить. В итоге он предложил ряд подразделений: 1) школы, ориентирующиеся на материальные факторы (биологические, географические, демографические, экономические

и другие). В количественном отношении эти школы преобладают в лоне современной социологии; 2) школы, ориентирующиеся на духовные факторы — потребности, цели, ценности и т.п. (различные разновидности психологического редукционизма); 3) промежуточные школы, нацеленные на поиск факторов, не подчиняющихся односторонности духовно-материальной типологии и являющиеся самостоятельными, т.е. подлинно «социальными» — Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Гумплович и другие. «След Конта можно обнаружить, — полагал Ковалевский, — во всех других этих школах в той или иной степени отчетливости».

Во-вторых, в своей классификации М.М. Ковалевский впервые предложил отечественному читателю очерки А. Коста, Б. Кидда, А. Ваккаро и других исследователей, сочувствующих позитивизму. Что касается антипозитивистской линии (представленной в основном немецкими именами, хотя, как известно, у нее были и талантливые русские последователи), то он относил ее к метафизическим наследникам И. Канта и Г. Гегеля и особо не жаловал, полагая, что стимуляция эволюции социальной науки от нее будет ничтожно малой. Это один из серьезных субъективных просчетов его историко-социологической позиции. Во всяком случае из выдающейся плеяды немецких социологов конца XIX—начала XX в. им был рассмотрен, да и то бегло, только Г. Зиммель [7, с. 137]. В лице русского неокантианства перчатка, брошенная Ковалевским, была поднята другим представителем «русской традиции» — В. Хвостовым, который впрочем в своем трактате «Социология» (1917) целиком заимствует «факторную классификацию» у М.М. Ковалевского, как и ряд других историко-социологических соображений.

3. Периодизация истории социологической науки

В истории социологии XIX—начала XX в., по мнению Ковалевского, можно выделить несколько фаз эволюции с разными исследовательскими успехами и провалами, с особой внутренней логикой генезиса каждой фазы. Представленные в сверсжатом виде они выглядят так:

1. После ухода из жизни отца позитивизма и первой волны его последователей в лице Дж. Милля, Г. Бокля, Э. Литтре и прекращения издававшегося последним вместе с Г. Вырубовым «Обзора положительной философии», позитивизм, особенно во Франции и Англии, все более и более принимал характер «религиозного сектантства», что наглядно проявилось в торжествах по случаю открытия парижского памятника О. Конту [7, с. 1]. В 70—80-е годы социология встала на «ложный путь» слепого подражания стилю разных других наук. Наибольший вред нанесло увлечение биологическими аналогиями в духе органицизма (Г. Спенсер, П. Лиенфельд, А. Шеффле, Р. Вормс) и сырой этнографический эмпиризм (Ш. Летурно и т.п.). В этих условиях неизбежно стали набирать силу, констатировал Ковалевский, приобретающие популярность метафизические учения, благодаря искусно развитой Л. Гартманом «теории непознаваемого» и литературному мастерству Ж. Гюйо и Ф. Ницше, умеющих очень увлекательно «разговаривать с публикой об основных вопросах

мироздания и этики» [7, с. 11]. Влияние метафизики оказалось ущербным для социологии, что нашло себе самое выразительное место в центральном вопросе социологии 70—80-х годов, а именно — в вопросе о «важнейшем факторе общественных изменений» [7, с. VIII]. «В действительности же, — продолжал Ковалевский, — мы имеем дело "не с факторами, а с фактами", из которых каждый так или иначе связан с массой остальных, ими обуславливается и их обуславливает». Он иронизировал: говорить о центральном факторе течения общественной жизни означает приблизительно то же самое, что говорить о тех или иных каплях речной воды, которые преимущественно обуславливают все течение реки. Конечно, прибегая к монофакторному объяснению, общая социология упрощает себе объяснение сложности общественных явлений, но при этом она дает ложные или односторонние картины, которые подрывают кредит доверия к ней у массовой публики и представителей других, более зрелых наук. Поэтому Ковалевский неоднократно повторял: ближайшее будущее общей социологии должно представлять не решение, а упразднение самого вопроса о «факторах прогресса».

2. С начала 90-х годов XIX в. на первый взгляд совершенно неожиданно начинается новая фаза «ускоренного движения в области социологической мысли». Почему же это произошло, если общая социология погрязла в однофакторном поиске? Это новое движение, полагал Ковалевский, не может считаться случайным, оно развивалось довольно органически и получило стимулы из сферы междисциплинарных контактов, в связи со значительным прогрессом «конкретных наук об обществе» — этнографии, этнологии, исторической юриспруденции, сравнительной филологии и мифологии, приложения генетических методов в области политэкономии [7, с. V—VI]. Как и все другие представители «русской традиции», М.М. Ковалевский стоял на позициях интернализма, вот почему он выдвигает на первое место внутренний, имманентный фактор движения научной мысли, причем не только в сфере самих социальных наук, а в ансамбле наук в целом. Он отмечал: вопросы, поднятые А. Вейсманом о передаче потомкам особенностей личного характера и таланта, «не могут оставаться безразличными для всякой новой попытки изобразить природу и судьбу общества» [7, с. VII]. И далее: «происходящий в настоящее время переворот в сфере психологии, ее все больший и больший разрыв с метафизикой и переход частью в психофизику, частью в психосоциологию, в которой субъективный метод самонаблюдения уступает место более объективному, наблюдение над психикой кружков, толпы, наций и т.д., в свою очередь, вызывает необходимость пересмотра многого из того, что считалось более или менее установленным в социологии» [7, с. VII].

3. Третья, современная фаза, охватывает начальное десятилетие XX в. и характеризуется рядом новых особенностей. Факторное объяснение общественной жизни еще сохраняется, но уже обнаруживается некоторый откат от прежней однофакторной узости, точнее, от имевшей абсолютно догматический характер. Все увеличивающееся количество социологов начинает полагать, что заботы об отыскании «первичного и главного фактора» должны быть исключены из задач социологии, если

только она в полном соответствии с реальной сложностью общественных явлений ограничится указанием на одновременное и параллельное воздействие и противодействие многих причин, т.е. на полипричинность. «Мне кажется, — заключал М.М. Ковалевский, — что направление, в котором за последние годы происходит развитие абстрактной науки об обществе, оправдывает отчасти эти надежды» [7, с. XIV]. Так, психологическое направление во главе с Тардом признает, что подражанием можно объяснить далеко не все в общественной жизни, представители экономического материализма (вроде А. Лориа и других) признают рядом с экономическим фактором психологический, подчеркивая относительную самостоятельность умственного, эстетического и этического развития от экономических обстоятельств. Сторонники экономического детерминизма (А. Коста и другие) в полемике с оппонентами вынуждены были взять обратно многое из ранее утверждаемого ими или открыто признать многофакторность общественного развития. Фактически большая часть историко-критического сочинения М.М. Ковалевского «Современные социологи» и была посвящена процессам намечающегося и воплощаемого компромисса и роста теоретического согласия, и не только этой работы, но и других статей и глав в сборниках за 1905—1914 гг. Вот высказывание, точно характеризующее одну из методологических установок его историко-социологической концепции: «Благодаря самой своей односторонности, важнейшие представители социологии сделали в этот период немало для расчистки почвы для дальнейших исследований; они установили ряд оригинальных точек зрения на недостаточно освещенные ранее или вполне оставленные без внимания явления, утрируя роль того или другого фактора, они доставили возможность контр-критике установить предельные границы его влияния» [7, с. XV].

В связи с этим следует более конкретно рассмотреть хотя бы одну из школ в его освещении; я выбираю психологическую, которую иногда М.М. Ковалевский называл «психосоциологией». Об этой школе в русской печати писалось много и плодотворно, но Ковалевский нашел свои слова, оценки и прогнозы относительно ее будущего. Я выбрал именно это направление, ибо, по словам самого Ковалевского, это было «едва ли не господствующее ныне течение среди социологов» [4, с. 277].

4. Психологическое направление социологии в оценке Ковалевского

Необходимо упомянуть несколько правил отбора школ и их лидеров, применявшихся М.М. Ковалевским как историком социологической науки, которые позднее успешно усвоили и использовали П. Сорокин и особенно Н. Тимашев. Во-первых, он отбирал «новейшие течения в области социологии» и делал упор на сущность каждой теории, сознательно отказываясь от подробного рассмотрения ее деталей, ибо последние по своей природе «всегда различны и относительны». Иными словами, его интересовало законченное здание, освобожденное от строительных лесов. Каждое новейшее направление (в данном случае — психологическое) находило сторонников в разных странах и неизбежно испытывало

воздействие, влияние той или иной национальной культуры. Наряду с отдельными адептами в нем обнаруживаются и целые национальные школы, таковой в России была, в частности, субъективная школа.

Во-вторых, М.М. Ковалевский иллюстрировал каждое направление наиболее представительными или типичными фигурами, вклад которых и составлял гносеологическую сущность направления и школы. В данном случае таковыми он считал трех социологов — американца Л. Уорда, француза Г. Тарда и русского Н. Михайловского и именно им посвящал лекции, доклады, статьи и разделы в монографиях.

В-третьих, он требовал не изолированного подхода к каждому теоретику, а сравнительного, благодаря которому можно было показать, с одной стороны, то положительное, что внесли эти теоретики в понимание природы общественных явлений и что вызывало споры и обогатило науку, а с другой стороны, — указать границы, за пределами которых выдвинутые ими гипотезы и теории были бессильны подвинуть дальше объяснение коренных вопросов абстрактной науки об обществе [7, с. 3].

Поясняя свою заинтересованность в анализе психологического направления, М.М. Ковалевский указывал: «Из разных концов Европы и Америки слышатся сходные голоса и незаметно возникают целые школы мыслителей, расходящихся в частностях и признающих в то же время общие основные посылки. Это обстоятельство позволяет нам выделить в самостоятельные группы или школы писателей разноплеменных и получивших неодинаковую предварительную подготовку — философов и биологов, антропологов и этнологов, экономистов и политиков». Они ищут обоснование социологии в законах психологии, дополняя последнюю социальной психологией. К числу таких писателей необходимо отнести во Франции — Г. Тарда, в США — Дж. Болдуина, Ф. Гиддингса, Л. Уорда. «В России сходные взгляды с Тардом и отчасти раньше его высказывал оставшийся ему совершенно неизвестным до последних годов жизни Н.К. Михайловский со своими статьями "О прогрессе" и "Герои и толпа" — очерк, к сожалению, незаконченный» [4, с. 265]. Следует рассмотреть, как конкретно М.М. Ковалевский применял свои правила отбора теоретиков и критического анализа их вклада на примере его оценок трех указанных выше персоналий — Л. Уорда, Г. Тарда и Н.К. Михайловского.

Лестер Франк Уорд (1841 — 1913). Насколько Герберт Спенсер, писал Ковалевский, может считаться типичнейшим представителем биологического направления в социологии, «настолько американец Лестер Уорд принадлежит к числу родоначальников пользующейся ныне широким признанием психологической школы» [4, с. 267]. По мнению М.М. Ковалевского, позитивист Уорд разделял принципы и конструкцию контовской классификации наук (и даже в защиту ее вступил в полемику с Г. Спенсером), но делал в ее адрес единственный упрек в том, что она опускает важнейшее звено — психологию, а между тем из всех наук, включенных в эту классификацию, «ни одна не представляет большего интереса для социолога, чем психология». «Силы общественные — силы психологические, а потому и социология должна иметь психологический ба-

зис» — таков девиз социологии самого Л. Уорда. Отсюда он выводит своеобразнейшее определение социологии как науки, изучающей «общественное творчество человека» (4, с. 268 — 269).

М.М. Ковалевский обращает внимание на две мысли Уорда, который считал одинаково ложными предположение, что «человек — любимец природы» (эта мысль способна породить общественную инерцию и чисто потребительское отношение к природе) и альтернативное предположение о тотальной враждебности природы к человеку (эта мысль способна породить пессимистический взгляд на силы и возможности *homo sapiens*). Л. Уорд избирает средний путь в виде доктрины «мелиоризма», по которой длительное существование человеческого рода есть постоянное улучшение условий его существования, благодаря столь же постоянному воздействию человека на природу, по мере увеличения адекватных знаний о ней. Это и есть процесс общественного творчества, ибо человек — единственное существо из всего органического мира, которое обладает интеллектом и одновременно является существом социальным. Социология и изучает эти процессы, имея дело «не с человеческими индивидами, а с сообществами людей и со всем тем, что ведет к возникновению этих сообществ» [4, с. 276].

Приступая к анализу психологических детерминант общественной жизни, Л. Уорд предположил (вслед за Шопенгауэром, добавляет Ковалевский), что главнейшая и даже решающая психическая особенность человека состоит в его способности делать выбор между мотивами своих действий, которые направлены на удовлетворение потребностей (4, с. 276 — 277). Чем насущнее известная потребность, тем более энергичнее и целенаправленнее действия и интенсивнее ее удовлетворение. В порядке витальной и убывающей необходимости выживания человеческого рода Л. Уорд строил такую классификацию потребностей: 1) воспроизводство рода; 2) питание; 3) эмоциональные; 4) эстетические; 5) нравственные; 6) интеллектуальные потребности. Эта классификация была им изложена в общих чертах в его первом большом труде, двухтомной «Динамической социологии или прикладной социальной науке, основанной на статистической социологии и менее сложных науках» и более обстоятельно обоснована и проиллюстрирована примерами в последующей работе — «Психологические факторы цивилизации».

В 1891 г. первый том «Динамической социологии» был переведен на русский язык П. Николаевым, который вел личную переписку с Л. Уордом. Книга поступила в магазины, но последовал цензурный запрет, и оставшиеся экземпляры были изъяты и сожжены. Второй том переводить, естественно, не стали. М.М. Ковалевский в разговоре с Л. Уордом пошутил, мол, цензура перепутала термины, решив, что «динамическая» связана с динамитом, а «социология» — с социализмом. Уорду объяснение очень понравилось, и анекдот пошел гулять по свету, встречаясь в качестве истинного объяснения судьбы книги в работах по истории социологии до сих пор.

Социальная динамика выступала у Л. Уорда в двух формах — генетической, занимающейся изучением влияния первых четырех видов по-

требностей, и телеологической, занимающейся оставшимися. Все потребности есть социально-психические силы или мотивы человеческих действий. «Учение о психических факторах, — комментировал Ковалевский, — представляет одну из оригинальных сторон в социологической доктрине Л. Уорда. Все же то, что он говорит о необходимости для социолога ознакомиться с основными положениями наук о природе и живом организме, как и представленная им классификация конкретных наук о человеке и обществе, не выходит из области ходячих воззрений, возникших на почве интерпретации положительной философии О. Конта и восполнения ее в соответствии с новейшими успехами антропологии и этнографии и критикой спенсеровых построений» [4, с. 284]. В полном соответствии со своими методологическими установками Ковалевский должен был приступить к сравнению идей Л. Уорда и других психологистов, прежде всего Г. Тарда. Что он и сделал, перечислив кое-какие общие положения Уорда, которые были обстоятельно развиты Тардом и указывали на путь, по которому могло пойти дальнейшее развитие социологии. К числу самых общих совпадающих точек зрения Л. Уорда и Г. Тарда, М.М. Ковалевский относил разъяснение ими генезиса человеческой способности к открытиям и изобретениям, но пояснял, «вопрос: этот, очевидно, не входит в задачу социологии и принадлежит всецело ведению психологов». Во всяком случае, французский психолог Т. Рибо уже сделал удачные шаги в этом направлении. В чем Л. Уорд, по мнению Ковалевского, более всего является последователем О. Конта, так это в признании того, что за многими социальными фактами стоят вызвавшие их к жизни идеи и что, следовательно, идейное развитие человечества обуславливает собою все прочее в общественной жизни. Расходясь радикально с рядом новейших учений и прежде всего с марксизмом, он объявил, что только при таком понимании вопроса можно говорить о том, что «социология опирается на психологию»¹ [4, с. 285]. Но Уорд не замыкался целиком только на психологию, он считал, что для социолога необходимо самое тесное знакомство со многими конкретными науками об обществе — историей, политэкономией, юриспруденцией, этикой, этнографией, демографией и социальной статистикой, т.е. настаивал на гносеологической полезности междисциплинарных подходов. Эта мысль была очень близка Ковалевскому, однако Уорд, конечно, был убежден, что психология является онтологически самым надежным идейным союзником общей и прикладной социологии. М.М. Ковалевский справедливо обратил внимание на то, что вся научная деятельность Л. Уорда, будучи единой в своей методологической ориентации на психологию, тематически делится на две части. Первые шаги («Динамическая социология» 1883 г., «Психологические факторы цивилизации» 1893 г., «Очерки социологии» 1898 г. и другие) были, в духе модного в те годы эволюционизма, посвящены проблемам социальной динамики. Затем, в начале XX в.

¹ Хотя Ковалевский специально подчеркивал отчуждение исторического материализма! К. Маркса и психологизма Л. Уорда, через три года после выхода его «Социологии» в русской социологической печати появилась наивная попытка их синтеза, предпринятая в крайне путаной книге Аркадия Гвицмана [8].

д «счел нужным восполнить свою систему непосредственным изучением социальной статики» [4, с. 286). Программу этого намерения Л. Уорд изложил в докладе на Парижском конгрессе международного института социологии в 1900 г. и особенно в последнем своем труде «Чистая социология». В отличие от органицистов Л. Уорд трактовал общество не как организм, а как механизм. Статика и динамика этого механизма одинаково имеют дело с действием социальных сил, которые по природе своей являются психическими. «Статика, — писал Уорд, — имеет дело с этими силами в состоянии их равновесия, тогда как социальная динамика наоборот, изучает их в процессе движения». Л. Уорд полагал, разъяснял М.М. Ковалевский, что первыми приостанавливают, замедляют и даже прекращают движение социальных сил обширные людские массы и социальные группы, создавая внутри себя новое образование — социальные структуры. Образцами их служат — семья, род, племя, церковь, государство и многообразные виды добровольных союзов. Внутри социальных структур создаются другие статичные образования, еще более закрепляющие равновесие — общественные организации или учреждения, примерами которых являются — брак, правительство, обычаи, язык, морально-юридические кодексы, религия, искусство и даже наука. Здесь Ковалевский делал важное примечание — все перечисленные учреждения, по Л. Уорду, есть продукты человеческой деятельности. В частности, нравственность имеет глубинный социальный источник и «проникнута социальным характером». Это утверждение Уорда, замечает М.М. Ковалевский, полностью соответствует тому, что еще более обстоятельно и раньше было выдвинуто и развито Е. де Роберти [4, с. 291).

Общество в сцеплении всех своих структур и учреждений образует механизм, созданный для достижения известных целей (результатов). Если они достигаются, то можно говорить о «социальном порядке», т.е. хорошо функционирующем механизме. Все социальные структуры и учреждения имеют свою функцию или цель, ради которой они были созданы. В докладе о социальной статике, прочитанном Уордом на социологическом конгрессе, он развил ряд положений близких к Тарду, особенно к изложенным им в последней работе «Всемирное противоречие». Ковалевский продолжает: «Я не прочь думать, что сочинения Тарда вообще ... оказали свое воздействие на Уорда» [4, с. 289]. Прежде всего, речь идет о том, как и почему возникают социальные структуры. Уорд приписывал это возникновение эффекту, названному им «синергией» (у Тарда другое название, но схожее понимание процесса). Общественные силы, вступая во взаимодействие, невольно задерживают друг друга, в результате деятельность протекает менее интенсивно и вместо антагонизмов появляется более терпимая, мягкая форма их — конкуренция, которая завершается компромиссом и кооперацией. Появление структур в природе и обществе, учил Уорд, является последствием универсального принципа «синергии». Кстати, М.М. Ковалевский, проявив свою обширную эрудицию, указывал на то, что подобные идеи еще раньше были пущены в обращение малоизвестным французским писателем Насолем.

Итак, «синергия» общественных сил, т.е. процесс их взаимо- и противодействия порождает их равновесие или структуризацию. В обществе, в отличие от природы, это предполагает наличие еще двух признаков, одинаково необходимых и существенных. Во-первых, сознательного творчества. «Синергия — это синтез труда. Ведь труд всегда предполагает получение какого-либо продукта. Этим он и отличается от простой деятельности», — сочувственно цитирует Уорда Ковалевский [4, с. 291]. Во-вторых, порождение социальных структур сопряжено с принципом «экономии сил», которые не растрачиваются впустую, как в случае хаотического, но структурированного бытия. Следовательно, принципу «борьбы за существование» Ч. Дарвин необходимо противопоставил борьбу за организации и структуры, которые экономят социальную энергию. У истоков любой организации и в дальнейшем процессе ее усложнения и гармонизации лежит человеческий разум, точнее говоря, его «ходы» в виде изобретений, контроля, творчества. Научный контроль социальных сил коллективным разумом общества к пользе последнего, Л. Уорд обозначил, вслед за Контом, термином «социократия», которая выступала его политическим идеалом. Он подчеркивал ее отличие от социализма и системы свободной конкуренции и индивидуализма. Но делал это он, — подчеркивал Ковалевский, «в форме простого перечисления главных своих тезисов, отказываясь от всякого их обоснования» (4, с. 296). Суммативная суть этих тезисов такова: индивидуализм создает искусственное неравенство, социализм хочет создать искусственное равенство. «Социократия» признает природные неравенства и требует отмены искусственных, с предоставлением социальных преимуществ в строгом соответствии с заслугами. Для этого он настаивает на необходимости обеспечения всем равных исходных возможностей как единственного средства для определения степени личной заслуги в последующем.

Венчается разбор социологической доктрины Уорда обычным приемом Ковалевского как историка социологии, а именно — дифференцированной оценкой ее значения в ряду других современных доктрин. Он выделяет пять особенностей психологической социологии Л. Уорда.

1. Уорд является прямым наследником О. Конта в правильном понимании того места, которое социология занимает в общей системе абстрактных наук и многих других частных вопросах.

2. Уорд построил учение о влиянии психических сил на образование социальных сил и этим подчеркнул органическую связь социологии и психологии. Но, отмечал М.М. Ковалевский, в строгом смысле слова можно бы сказать, что для Уорда, как и для Г. Тарда, социология является не более, как коллективной психологией» [4, с. 297].

3. Выяснение роли психических сил и в их числе чувственных аффектов в жизни общества заставило Л. Уорда сменить аналогию «общество как организм» на другую — «общество как механизм». Как и любая аналогия, она имела назначение «более наглядно, но в то же время и только приблизительно выразить ту мысль, "что общество, будучи самостоятельным, многими сторонами отвечает понятию механизма"». Хотя Л. Уорд сам не был совсем убежден, что мы имеем здесь дело с гомологией или

тождеством. Во всяком случае, он, критикуя Спенсера, признавал, что общество напоминает организм, только пребывая в зачаточном, эмбриональном состоянии,

4. «Нельзя, наконец, не признать положительной стороной в социологической системе Л. Уорда развитие той мысли, что рядом с бессознательным процессом видоизменения общественных структур и учреждений, раскрытием которого довольствовались писатели вроде Спенсера и Летурно, необходимо указать еще на сознательный процесс изменения тех и других под влиянием человеческого творчества, неразрывно связанного с ростом интеллекта», хотя Уорд несколько неоправданно приписывал роль коллективного творчества в сравнении с индивидуальным. Однако, «вопреки утверждению Уорда, история уже указывает нам целый ряд коллективных творчеств <...> Соглашаясь с тем, что независимое от бессознательного или генетического развития, человечество шло и сознательными путями, я не могу не поставить в вину Уорду, во-первых, того, что им вовсе не указано, чем непосредственно вызывалось бессознательное изменение общественной организации, а во-вторых, того, что сознательное изменение не приведено им в связь с бессознательным» [4, с. 298 — 299]. И это, по мнению М.М. Ковалевского, были явные дефекты его системы. Психологизм Л. Уорда вел его к «однохарактерным» выводам, к признанию того, что психические силы вызывают не только поддержку социального порядка, но и перемены в его структуре.

5. Особое недоумение у нашего историка вызывало то, что Л. Уорд не ставил сознательное изменение общества в прямую связь с теми запросами, которые их вызывали на той стадии общественной эволюции, которая была достигнута генетическим или бессознательным ростом. Возьмем простейший пример, писал Ковалевский, «в обществе, благодаря изменению внешних условий, под влиянием продолжительного действия человеческих потребностей, оказывается недостаток в животной пище. Разум ищет исхода из этого положения и находит его или в переселении, или в первых опытах одомашнивания животных, или в первых искусственных посевах и посадках питательных растений» [4, с. 300]. Примеры такого же рода можно множить до бесконечности во всех сферах общественной жизни.

М.М. Ковалевский не случайно неоднократно указывал на известную близость позиций Л. Уорда и Г. Тарда, который долгое время считался наиболее весомым авторитетом западноевропейской ветви психологической социологии. О личности и творчестве Г. Тарда, о его социологических взглядах и их эволюции у нас писали многие — Е. Аркин, Н. Михайловский, А. Козлов, Н. Кареев, Л. Оболенский, В. Попов, Н. Баженов и другие. Однако очерки Ковалевского на эту тему считались специалистами одними из лучших в их главных положениях.

Габриэль Тард (1843— 1904). Ковалевский был много лет знаком с Г. Тардом, привлек его в штат преподавателей Русской высшей школы общественных наук, рассказывал ему о русских психологах и, в частности, о теории подражания и поведения толпы Н. Михайловского.

Основные сочинения Г. Тарда были переведены и напечатаны в России с 1892 по 1926 г. Некоторые из его работ переводились неоднократно и сопровождались предисловиями известного социолога Л. Оболенского, внимательно следившего за социологическими новинками Запада. Поэтому русская читающая публика хорошо знала основные труды Тарда — «Законы подражания» (1892), «Преступления толпы» (1893), «Публика и толпа» (1899), «Социальные законы» (1900) и другие. Вот почему М.М. Ковалевский не тратит время на догматические изложения «психосоциологической доктрины» Г. Тарда, а сразу же приступает к ее оценке, выделяя позитивные аспекты и явные недостатки.

Положительным в теории «социального подражания» Г. Тарда он считал ее претензии на объяснение обширных и разных классов явлений — поведения масс, преступности и революций, механизмов действия моды и общественного мнения, происхождения семьи, каст, классов и института собственности [9, с. 1 — 15]. На этом основании Г. Тард выступал за широкое развитие междисциплинарных подходов социологии и этнографии, истории, антропологии, статистики, несколько самонадеянно полагая, что методы этих конкретных социальных наук только лишней раз будут подтверждать эффективность его магистрального теоретического принципа «изобретение — подражание». Этот принцип, продолжал Ковалевский, вырос на почве межпсихических отношений, вот почему Тард настаивал на решающей роли для социологии не биологии, а психологии (особенно социальной), что позволило ему оригинально для своего времени поставить проблему роли личности, личностно-субъективного начала в истории (7, с. 14—19). Но что касается доктрины Г. Тарда в целом, то в ней Ковалевский находит множество просчетов и противоречий и подробно занимается ими, надеясь своим анализом расчистить место более адекватной теории.

1. Прежде всего, он справедливо упрекает Тарда в предметном сужении исследовательского поля социологии: постоянно полемизируя с «социологизмом» Дюркгейма, «Тард ставит ему в вину желание приискать для социологической науки какие-то особые законы, ей исключительно свойственные. Для самого Г. Тарда социология не более, как коллективная психология» (7, с. 9). Но концентрация всех исследовательских сил на классификации явлений в группы «изобретение—подражание» является, по Ковалевскому, очень узким толкованием задач общей социологии.

2. Следующий упрек, весьма важный в глазах М.М. Ковалевского как сторонника генетической социологии, сводился к тому, что Тард фактически отрицал «единство человеческой истории», т.е. общность социокультурного развития. Его теория подражания просто бессильна ответить на вопросы: почему у народов, не вступающих в непосредственный контакт и не вовлеченных в процесс культурных заимствований, возникают одинаковые идеи, учреждения, нравы, орудия материальной культуры и одинаковые ступени социального развития? (5, с. 199 — 200).

3. Г. Тард сформулировал несколько социальных «законов подражания». Первый из них гласил: заимствование обязательно проходит три

стадии — медленное, заторможенное признание, затем быстрый, модный рост и, наконец, — переход к устоявшейся, стабилизированной общепризнанной норме или шаблону. Между тем обращение ко всевозможным историческим данным показывает, что хотя многие виды «изобретений—подражаний» действительно имеют такую тройную форму, но многие не имеют, и искусственная подгонка их под форму триады требует недюжинного воображения. Вывод Ковалевского суров: «Я сомневаюсь в том, чтобы этот закон доказывал что-либо, кроме богатства фантазии его автора» [7, с. 20).

4. Хотя важнейшим методом Г. Тард объявил статистический, признавая его социологическим по преимуществу, но на деле он постоянно прибегал к сравнительному методу, точнее — методу сопоставления. «Тард прогуливается по всей истории человечества, перескакивая непосредственно от Египта и Греции к современной Франции и Соединенным Штатам». Он также весьма склонен смело заключать от «последующего к предыдущему», игнорируя специфику народов, эпох, культур. И он вынужден это делать, ибо без этих малообоснованных допущений и «смелых манипуляций» с разнохарактерными данными его теория «вселенского подражания лишалась бы всякого исторического фундамента». Но особенно поразило профессионального историка Ковалевского то, что фантазия Г. Тарда не останавливалась перед придумыванием в качестве доказательств собственной правоты неких «исторических фактов», никем и ничем не засвидетельствованных в научной литературе. Так, тот утверждал, что в доисторические времена каждая семья «имела свой собственный язык(!?) — положение, доказать которое очевидно мудрено». Иногда на одной странице его основополагающей книги «Законы подражания», изумлялся Ковалевский, Тард умудрялся накопить три или четыре подобных «факта», так что при чтении сочинений французского социолога будет уместно запастись изрядной долей скептицизма [7, с. 22, 33, 42).

5. Итак, по Г. Тарду, историческое протекание общественной жизни — это перманентный «поток подражаний». Но если в отдельных видах деятельности (хозяйственной, семейной, культурной) это и так, хотя в разной степени, размерах и интенсивности, то корреляция этих видов деятельности, консенсус особых состояний их не имеет никакого отношения к принципу «изобретение—подражание». Если Тард и может применить успешно свою теорию к зарождению и функционированию моды или общественного мнения, то к генезису и функционированию социальной структуры общества — нет. Да что там такие наисложнейшие образования, как социальная структура, его теория, отмечал Ковалевский, бессильна объяснить жизнь любого социального явления, где нет повторяющегося изобретения или нововведения, а царит повторяющаяся рутинная, например, обычая или традиции. Ковалевский иллюстрирует эту мысль реформами Петра I. Желание молодого царя разрушить азиатски замкнутое российское общество и вступить в систему европейских государств потребовало подражательного реформирования системы управления, создания новой армии и флота по европейским образцам. Сра-

зу же началось косное сопротивление нововведениям, потом наступило признание и экспансия их, затем — сложная «нормальная жизнь», тотальное усвоение нового. Внешне все это напоминало фазы «изобретение—подражание» Г. Тарда. Но на деле, пишет Ковалевский, все было значительно сложнее его механических картин. Осознание необходимости усвоения основ гражданского и военного быта Западной Европы было свойственно еще Ивану Грозному и Борису Годунову, а впоследствии — советникам Алексея Михайловича, прежде всего, «западникам» тех лет — Л.А. Ордын-Нащокину, А.С. Матвееву и другим, при которых Россия вступила в дипломатические отношения со всеми западноевропейскими странами. Отечественные как их тогда называли «комиссариусы» заполнили Рим, Париж, Лондон, Вену, Стокгольм и другие столицы. «Реформа Петра не является поэтому чем-то оторванным от всего предшествующего развития, а только дальнейшим звеном в общей цепи» [7, с. 30]. Ковалевский так пояснил свои антитардовские рассуждения: развитие России произошло бы в том же направлении и без заимствования, но только с меньшей быстротой и систематичностью. При этом заимствования часто расходятся по самой природе со своим образцом. Так, русские Верховники времен Анны Иоанновны, ставившие себе образцом аристократические порядки Швеции и будто бы подражавшие высшим образцам правления, на самом деле стремились к эгоистическому укреплению своего собственного бюрократического господства. Поэтому, делал главный вывод Ковалевский, «в истории поступательного хода общества центр тяжести лежит не в подражании, а в открытии или изобретении» [7, с. 37].

Система Г. Тарда эволюционировала, и в позднейших своих трудах, особенно в последней работе «Всемирное противоречие» он создает теорию противоречий как источника процессов приспособления и общественного прогресса. На этой фазе он, по мнению Ковалевского, «во многом освободился от первоначальной односторонности», но добавляет — «при всем том мы не думаем, чтобы Тарду удалось обосновать абстрактную науку об обществе или социологию». И произошло это потому, что тот строил обществоведение на законах психологических, а собственных законов в «социологии» Тарда не было [7, с. 53—54]. На этой грустной ноте, объединяющей в его глазах Л. Уорда и Г. Тарда, Ковалевский заканчивает обзор взглядов последнего, перейдя к рассмотрению отечественного сторонника психологизма в социологии, одного из важных интеллектуальных лидеров субъективной школы — Н. Михайловского, оценивает его вклад в социологию и социальную психологию с учетом своего предыдущего анализа его иностранных коллег, бывших почти ровесниками, с небольшим разрывом в один-два года.

Николай Константинович Михайловский (1842—1904). Хотя Ковалевский давно и хорошо знал труды и лично самого Михайловского, он только после кончины последнего написал о нем как о социологе развернутую статью, как бы вдогонку работам многих наших социологов и философов — Е. де Роберти, П. Лаврова, Н. Рейнгардта, С. Южакова, Б. Кистяковского, Е. Колосова, С. Райского, Н. Бердяева и других, писавших о Михайловском. Как и многие другие, Ковалевский справедливо

отметил подлинно новаторскую роль Михайловского в популяризации социологии в кругах отечественной интеллигенции: «Михайловский тем выделяется из плеяды русских критиков, что в большей степени, чем Белинский, Добролюбов, Аполлон Григорьев, Писарев участвует в строительной работе той новой науки, о которой еще в XVIII в. писал Вико и основы которой положены Контом. Если в нашей среде довольно быстро исчезло то насмешливое отношение к попыткам установить не законы, а эмпирические обобщения в области общественнознания, то этим мы в значительной мере обязаны тому подготовлению русского общества к восприятию, критике и самостоятельному построению социологии, в котором Н.К. Михайловскому принадлежит, несомненно, выдающаяся роль <...> Михайловский не только знакомил русского читателя с социологией Спенсера, с дарвинизмом в области обществоведения, с экономическим материализмом и только намечавшимся в его время течением неопозитивизма, но и давал самостоятельную оценку этим не столь противоречащим, сколько взаимно восполняющим друг друга системам» [5, с. 192]. Наиболее теоретические статьи Михайловского были написаны рано — в 1869 г. вышли статьи «Что такое прогресс», «Аналогический метод в общественной науке», в 1870 г. — «Теория Дарвина и общественная наука», в 1875 г. — «Борьба за индивидуальности». Эти работы, подчеркивал Ковалевский, «будили только что зарождавшуюся в России социологическую мысль» и были плодотворно усвоены рядом поколений [5, с. 202].

Далее М.М. Ковалевский повторяет свой дежурный упрек в адрес всех психологистов — Михайловский, несомненно, сделал попытку «самостоятельного построения не столько социологии, сколько социальной психологии», да и то в неоконченной, фрагментарной форме. В свои лекции и сочинения Ковалевский часто вставлял «личные элементы» — воспоминания о встречах и частных беседах со многими социологами, что приятно оживляло и украшало любую формально изложенную историю науки [10, с. 82 — 83]. Так, он припомнил, что в разговорах с ним Михайловский неоднократно признавался — задача, принятая им на себя в статье «Герои и толпа», настолько обширная, что он отчаивается довести ее до конца. И добавляет: когда эта статья вышла отдельным изданием, Михайловский счел нужным послать ее людям, даже не особенно с ним близким, но интересовавшимся теми же вопросами [5, с. 193]. Какими же именно вопросами?

Н.К. Михайловский, отвечал М.М. Ковалевский, исследовал явления механического подражания и «психической заразы» в тесной связи с явлениями повиновения и покорности во всех областях жизни, как органической, так и надорганической или общественной. Невольно вставал вопрос о сопоставимости его позиции с теорией подражания Г. Тарда. Приоритет Михайловского в этой связи постоянно подчеркивала большая группа отечественных исследователей — Н. Кареев, С. Южаков, Е. Колосов, П. Мокиевский, Л. Крживицкий, а в наши дни — А. Казаков, И. Лиринцевич и другие. Конечно, приоритет должен интересоваться историка науки. Впрочем, были еще более ранние теории подражания, например, В. Беджота. Но в данном случае все сложнее, и Ковалевский первым на

эту сложность указал, совершенно точно отметив, что исследовательские задачи Михайловского и Тарда были различными, хотя они принадлежали к одному и тому же идейному направлению в социологии. Вообще на Западе труды Михайловского долгое время не знали, о нем Уорду, Тарду и Дюркгейму при личных встречах рассказывал сам М.М. Ковалевский в начале XX в. Первое описание вклада Михайловского на французском языке появилось в обзоре русской философии и социологии, сделанном Осипом Лурье в 1903 г., а в следующем году, когда уже ушли из жизни и Н.К. Михайловский, и Г. Тард, в Париже появилась небольшая книга о нашем известном субъективисте.

«Если мы в настоящее время, — авторитетно подчеркивал Ковалевский, — сопоставим основной тезис Михайловского с основным тезисом Тарда, автора "Законов подражания", то мы не найдем между ними ничего общего. Михайловский сетует на Тарда, что он мало обращается к явлениям гипнотизма. Но ему и не приходится считаться с ними, так как он имеет дело с сознательным подражанием», т.е. когда люди, по его словам, подражают с "разбором и обдуманно". Вся теория Тарда сводится к тому, чтобы показать взаимодействие изобретения (открытия) и сознательного, добровольного подражания [5, с. 199].

Оба социолога являлись важнейшими представителями психологической школы в социологии, но между их исследовательскими заданиями, программами и их выполнением «лежит целая пропасть» (5, с. 201). И хотя Н.К. Михайловский, действительно, писал свои статьи о поведении толпы много раньше «Законов подражания» Г. Тарда, «ему, в сущности, не было основания доказывать свой приоритет, так как Тард нимало не повторяет его мыслей» [5, с. 201].

Как историк социологии Ковалевский считал своей задачей «прежде всего, выяснить характерные особенности разбираемого писателя и указать на их ближайший источник» [5, с. 203]. Применительно к взглядам Михайловского ему было легко выполнить эту задачу, так как тот сам отметил источник своей теории подражания. Полемизируя с Л.З. Слонимским, писал Ковалевский, Михайловский «указывает на еврейские погромы, как на ближайший мотив, заставивший его задуматься над вопросом о том, какими причинами обуславливается бессознательное или полубессознательное подчинение толпы "герою", увлекающему своим примером массу на хорошее или плохое, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело» (5, с. 202).

Итак, подводя итоги анализу психологической ветви современной М.М. Ковалевскому социологии, можно выделить следующее.

1. Все три социолога — Л. Уорд, Г. Тард и Н.К. Михайловский считали О. Конта основоположником социологической науки, но стремились исправить его полупрезрительное отношение к психологии.

2. Все они создавали не столько общую социологию, сколько общую социальную психологию. И вклад в ее создание был новаторским, полезным для социологии, получившей в лице социальной психологии надежного идейного союзника.

3. «Я не принадлежу, — отмечал Ковалевский, — к числу тех, кто полагает, что так называемая психологическая школа в социологии ... дает ключ к решению всех существенных вопросов общественной жизни» [5, с. 200]. Но в таком же положении находятся все современные школы, которые на путях будущей теоретической интеграции взаимно дополняют друг друга. Эта мысль Ковалевского особенно импонировала Н. Тимашеву [11, р. 441—457]. Впрочем, следует признать, что тезис о взаимной дополнительности всех школ, содержащих только часть истины, и о необходимости объединения этих относительных истин в целое, разделяли в разной мере все представители «русской традиции» написания истории социологических теорий.

Литература

1. Сорокин П.А. **О русской общественной мысли.** СПб.: Алетейя, 2000.
2. Кареев Н.М. Ковалевский как историк и социолог // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851-1916). Сб. статей. Пр.: Артистам, заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917.
3. Прилипка А.П., Рычагов И.С. М.М. Ковалевский как историк социологии // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
4. Ковалевский М.М. Социология. СПб.: Тип. М.М. Стасюкевича. 1910. Т. 1.
5. Ковалевский М.М. Н.К. Михайловский как социолог // Вестник Европы. 1913, № 4.
6. Голосенко И.А. Оглядываясь на Огюста Конта // Огюст Конт. К 200-летию со дня рождения. СПб.: Петрополис, 1998.
7. Ковалевский М.М. Современные социологи, СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1905.
8. Гвирцман А.М. Социология Уорда и ее отношение к социологическим построениям Маркса. СПб.: Тип. «Свобода», 1913.
9. Ковалевский М.М. Теория заимствования Тарда // Вестник воспитания. 1903. № 9.
10. Голосенко И.А. Максим Ковалевский о проблеме университетского гуманитарного образования // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
11. Timasheff N.S. *The Sociological Theories of M.Kovalevsky // An Introduction to the History of Sociology / Ed. H.E. Barnes. Chicago: The University of Chicago Press, 1948.*

